

УДК 821.581

*Хуаньюй Чжан***РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЙ АЙ ЦИНА**

Статья посвящена русским переводам китайских стихотворений Ай Цина. Ай Цин – выдающийся китайский поэт XX в. Его слава перешагнула рубежи отечества, а творчество стало неотъемлемой частью мировой культуры. Хотя, начиная с 1940-х гг. многие ученые обращали внимание на русские переводы поэзии Ай Цина, исследований этих переводов все еще недостаточно. Статья построена на аналитическом сопоставлении стихотворной формы и образного контента стихотворений «Деревья», «Весна», «Я люблю эту землю» с русскими переложениями, выполненными такими компетентными мастерами перевода, как Л.Е. Черкасский, Ю.А. Сорокин и А.И. Гитович. В результате автор статьи приходит к выводу о том, что русские китаеведы преодолевали непереводимость чужеродной для них поэтической формы, живо передавали очарование поэзии Ай Цина.

Ключевые слова: китайская поэзия, перевод, Ай Цин, Л.Е. Черкасский, Ю.А. Сорокин, А.И. Гитович.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-350-354

Ай Цин (1910–1996 гг.) – выдающийся китайский поэт XX в. Он родился в провинции Чжэцзян, в семье помещика, однако до пяти лет воспитывался в крестьянской среде. После окончания Академии художеств в городе Ханчжоу отправился в Париж, чтобы продолжить изучение живописного искусства. Там он познакомился с модернистской поэзией, причем наибольшее влияние на него оказало творчество Эмиля Верхарна. Вернувшись в Китай в начале 1932 г., Ай Цин вступил в Лигу левых писателей («Левую лигу»), которая являлась одной из секций Международного объединения революционных писателей (МОРП), созданного в Москве. В июле был арестован гоминьдановской полицией за подпольную деятельность и следующие три года провел в заключении. В тюрьме Ай Цин и стал поэтом.

На русский язык Ай Цина начали переводить уже в 1940-е гг., и по объему русских переводов, как и по количеству литературно-критических и научных работ, посвященных ему, он лидирует среди всех китайских поэтов XX в.¹ Однако качество стихотворных конверсий неравноценно. Этому вопросу до сих пор уделялось не слишком большое внимание, хотя его принципиальное значение для переводческой теории и практики очевидно.

Произведения Ай Цина охватывают длительный период времени: с 1930-х до конца 1970-х гг. В них отразились многие стороны народной жизни, запечатлена волшебная красота родной природы, они содержат глубокие размышления об исторических путях нации и человечества в целом, о судьбе простого человека в трагических испытаниях эпохи.

Во время японо-китайской войны 1937-1945 гг. Ай Цин создал много не только патриотических, но и пейзажных стихотворений. Поэт понимал: пейзажная лирика самоценна, и она нужна человеческой душе, чтобы противостоять ужасам разрушения. Стихотворение «Деревья» было написано весной 1940 г., когда сопротивление японским захватчикам, продолжавшееся уже более двух лет, достигло критической фазы. Сравним переводы трех переводчиков:

Два дерева высятся одиноко
Вдали от деревьев других.
Пространство, наполненное ветрами,
Разъединяет их.
Но под покровом из желтой глины
Сплетаются все сильнее
На глубине, недоступной глазу,
Бороды их корней.

(пер. А.И. Гитовича)

¹ Первый сборник стихов Ай Цина на русском языке «К солнцу» увидел свет в 1946 г. в Шанхае. Первая публикация в Советском Союзе относится к 1950 г.: сразу после визита поэта в Москву журнал «Смена» опубликовал отрывок из его поэмы «В дар Сталину» в переводе Л.Е. Черкасского (см об этом: Черкасский Л.Е. Ай Цин – Подданный Солнца (Книга о поэте). М.: Наука, 1993. С. 107). Вскоре вышла книга стихов и поэм «Весть о расвете» (1952) в переводах А.И. Гитовича. В дальнейшем Ай Цина преимущественно переводили Ю.А. Сорокин («Избранная лирика», 1981) и Л.Е. Черкасский («Слово солнца», 1989 и др. издания).

Два дерева стоят года,
 Но друг от друга в отдаленье,
 Соединяет на мгновенье
 Их только ветер иногда...
 Деревья будто незнакомы,
 Но под землей, в кромешной мгле,
 В тугой клубок сплелись их корни,
 Невидимые на земле.

(пер. Л.Е. Черкасского)

Два дерева
 высятся в горькой разлуке
 ветер и дыхание пустоты
 рассказывают о врозь живущих
 но в тайниках земли
 в незримой глубине
 тянутся они друг к другу
 переплетаясь опушью корней.

(пер. Ю.А. Сорокина)

Композиция стихотворения вертикальна. В первой части описано то, что доступно взгляду, что находится на поверхности, во второй – то, что скрыто от глаз, сущностное. Здесь метафорически передано состояние китайского народа в то время. Позже, беседуя с любителями поэзии, Ай Цин трактовал эти стихи именно в таком смысле: отношения между людьми бывают лишены внешних проявлений, но за сдержанностью могут скрываться тесные, кровные узы [8, с. 68]. «Тугой клубок» корней – образ братского единства, особенно выразительный благодаря природному воплощению.

Все три переводчика перевели первую строку как «два дерева». На самом деле поэт перечисляет: «одно дерево, и одно дерево», рисуя картину со многими деревьями, а не только с двумя. Метафора антропоморфная – деревья символизируют людей. Дословный перевод второй строки: «Друг от друга стоят поодиночке». Неточное понимание первой строки повлияло на перевод второй, и все переводчики, каждый по-своему, исказили поэтическую мысль. У А. Гитовича два дерева оказались далеки от других деревьев. У Черкасского между этими двумя деревьями появилось расстояние – «в отдаленье». Перевод Сорокина еще сильнее увеличил это расстояние, сделав его трагически непреодолимым: «в горькой разлуке».

Дословный перевод следующих двух строк: «ветер и воздух / рассказывают о состоянии их». Только Сорокин сохранил мотив рассказа, который ведут природные стихии, но одна из них (воздух) оказалась у него «дыханием пустоты», что едва ли доступно пониманию. У Гитовича о воздухе сказано точнее – «пространство, наполненное ветрами», однако оно, вопреки оригиналу, «разъединяет» деревья. В переводе Черкасского «воздух» вообще элиминирован, оставлен один ветер, который как раз «соединяет» деревья.

Что касается следующей строфы, то перевод А. Гитовича наиболее приближен к оригиналу по содержанию и композиции. В переводах Сорокина и Черкасского с целью сохранения рифмы изменен порядок строк, но это также не помешало верно передать смысл стихотворения. При этом перевод первой строфы Сорокиным и второй строфы Гитовичем наиболее близки к оригиналу, и в целом, три версии дополняют друг друга.

Стихотворение «Весна» (1937) посвящено памяти казненных мучеников-активистов Лиги левых писателей, впоследствии ставших известными как «Пять павших патриотов».

Вот и пришла весна
 Персик расцвел в Лунхуа
 В те ночи он и расцвел
 Ночи кровавых рос
 Ночи без звезд
 Ночи рыдающих вдов
 А древняя наша земля
 Точно голодный зверь
 Бывало жадно пила
 Кровь молодых и детей

Всех кто упорен был
 После зима пришла
 Снега и льда пора
 После не видя конца
 Ждали устало сердца
 ... Кровавые капли вдруг
 Бесчисленно взорвались
 Бутонами алых цветов
 Это пришла весна
 На берега Янцзы.
 Люди вопрос задают:
 Откуда пришла весна?
 Я отвечаю им:
 Она пришла из могил.

(пер. Л.Е. Черкасского)

Поэт сравнивает кровь мучеников с персиковыми цветами. Бесчисленные алые бутоны символизируют новое поколение революционеров, весна – победительное будущее. Победа оплачена неизмеримо высокой ценой – страданиями и жизнями молодых энтузиастов, поэтому прекрасная весна будущего пришла из могил.

Сопоставим с другим переводом:

Вот и весна
 расцвели персиковые цветы у пагоды Сила Дракона
 расцвели в эти ночи
 в эти кровавоклеянные капля за каплей ночи
 эти ночи беззвездны
 эти ночи гудят ветром
 эти ночи слушают вдовьи рыдания
 эта древняя земля похожа
 на дикого зверя
 пьющего кровь юных
 кровь самых неукротимых из человеческого рода
 Так и прошли печальнодолгие дни
 снежноледяные времена года
 времена бесконечных мытарств
 Эти алые клейма пестроалые клейма
 в ночах похожих на легенды
 в ночах по-восточному глубинночерных
 взрывчато раскрылись словно бесчисленные бутоны
 Всюду на Речном Юге весна
 в своем пригожем убранстве
 Люди спрашивают: откуда она приходит?
 Я отвечаю: из своей могильной ямы
 Близ пригородных деревень.

(пер. Ю.А. Сорокина)

В отличие от Черкасского, в переводе Сорокина не пропущена ни одна строка оригинала. Например, строки «эти ночи гудят ветром» нет в переводе Черкасского. Ближе к оригиналу и сравнение, найденное Сорокиным: «эта древняя земля похожа / на дикого зверя / пьющего кровь юных / кровь самых неукротимых из человеческого рода». Но перевод Черкасского: «Кровь молодых и детей / Всех, кто упорен был» более выразителен. Переводчик избежал повторения слова «кровь» и использовал прошедшее время, дав читателю понять, что это кровь погибших мучеников. Он точно уловил духовную настроенность оригинала и сумел сообщить ее русским читателям.

В качестве еще одного примера можно взять перевод топонимов «龙华» и «江南». Леонид Черкасский перевел их как «Лунхуа» и «берег Янцзы». В переводе Юрия Сорокина они представлены как «Сила Дракона» и «Речной Юг». Первый из топонимов («龙华») – название места в Шанхае, где можно наблюдать за цветением персиков. Именно там, в полицейском участке, произошла кровавая рас-

права над героями. Второй топоним («江南») относится к южному берегу реки Янцзы. По сравнению с буквалистским переводом обоих топонимов, сделанным Сорокиным, вариант Черкасского выглядит естественнее для русского читателя.

Одним из наиболее известных у Ай Цина является стихотворение «Я люблю эту землю» (1938). Оно входит в школьные хрестоматии, проникнуто неизбывной болью и жгучей тоской. Эти чувства, вызванные всепоглощающей любовью поэта к страдающей Родине, отзывались в сердцах всех китайцев.

Будь я птицей –
 Я пел бы надрывно
 О земле, иссеченной дождями,
 О рокочущем гневно потоке,
 О без усталости дующем ветре,
 О лесных несравненных рассветах,
 А потом бы я умер от песни,
 И истлели бы перья в земле.
 Почему на глазах моих слезы?
 Эту землю люблю я безмерно... (пер. Л.Е. Черкасского)

Образность перевода Черкасского свидетельствует о его глубоком понимании китайского языка. Например, дословный перевод второй строки – «Я буду петь с хриплым горлом» Черкасский перевел: «Я пел бы надрывно», точно передав не букву, но смысл поэтического высказывания. Еще более ценным является то, что далее в трех идущих подряд строках он использовал анафору, начинающуюся с предлога «о» (в оригинале строки начинаются с указательного местоимения «это»), сохранив тем самым структурное единство и красоту стихотворения. Перевод вышел лаконичным и ярким, поистине безупречным.

Сравним с переводом Александра Гитовича:
 Был бы я птицей –
     так же печально я пел бы:
 Пел бы о нашей родной,
     бурей изрытой земле,
 Пел бы о вечно бурлящем
     потоке народного горя,
 И о разгневанном ветре,
     дующем без перерыва,
 И об отрадной для сердца
     утренней ранней заре.
 Спросят меня: «Почему
     скрыты в глазах твоих слезы?»
 Я им отвечу: «Люблю
     землю отчизны моей».

Поэт не знал китайского языка, его вариант построен на подстрочнике, что, несомненно, повлияло на понимание формы и содержания оригинала [7, с. 28]. Так, он уловил необходимость анафоры и ввел ее в строфику произведения. Но определенно избыточны «спросят меня» и «я им отвечу» в последних строчках, многословными, особенно по сравнению с предыдущим переводом, выглядят солагательные конструкции.

Переводить Ай Цина действительно трудно. На всех этапах творчества он обращался к свободному стиху, в котором отсутствует рифма. В оригинале просодию создает виртуозная вибрация четырех тонов национального языка. Напрямую это не может быть передано или даже обозначено ресурсами русской речи [8, с. 209]. И все же нередко русским поэтам, основательно изучавшим китайскую культуру, удавалось, благодаря условной вербализации, композиционным и иным профессиональным приемам, а также смелым творческим находкам, преодолеть принципиальную непереводаемость поэтического текста («Поэзия – это то, что теряется в переводе», – как-то заметил Роберт Фрост) и донести до читателей очарование и силу творений Ай Цина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ай Цин. Весть о рассвете: Стихи и поэмы / Пер. с кит. А.Гитовича. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 76 с.
2. Ай Цин. Избранная лирика / Пер. с кит. и предисл. Ю.А.Сорокина. М.: Мол. гвардия, 1981. 62 с.
3. Ай Цин. К солнцу / Пер. с кит. Ник. Светлова. Шанхай: Эпоха, 1946. 23 с.
4. Ай Цин. Слово солнца: Избранные стихотворения: Сборник / Пер. с кит. М.: Радуга, 1989. 224 с.
5. Петров В.В. Ай Цин: Критико-биографический очерк. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1954. 116 с.
6. Пятая стража: Китайская лирика 30 - 40-х годов / Пер. с кит. и предисл. Л.Е.Черкасского. М.: Наука, 1975. 131 с.
7. Хренков Д.Т. Александр Гитович. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1969. 176 с.
8. Черкасский Л.Е. Ай Цин – Подданный Солнца (Книга о поэте). М.: Наука, 1993. 209 с.

Поступила в редакцию 20.08.2021

Чжан Хуаньюй, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, корпус 1
E-mail: zhydwgyx@outlook.com

H. Zhang

RUSSIAN TRANSLATIONS OF AI QING'S POEMS

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-350-354

The article is devoted to Russian translations of Chinese poems by Ai Qing. Ai Qing is an outstanding Chinese poet of the XX century. His fame has crossed the borders of the fatherland, and his work has become an integral part of world culture. Although since the 1940s many scholars have paid attention to Russian translations of Ai Qing's poetry, they have studied them and now there are many different translations, but there is still not enough research on these translations. The article is based on an analytical comparison of the poetic form and figurative content of the poems "Trees", "Spring", "I love this Land" with Russian translations made by such competent translation masters as L. E. Cherkassky, Yu.A. Sorokin and A. I. Gidovich. As a result, the author comes to the conclusion that Russian Sinologists overcame the untranslatability of a poetic form alien to them, vividly conveyed the charm of Ai Qing's poetry.

Keywords: Chinese poetry, translation, Ai Qing, L. E. Cherkassky, Yu. A. Sorokin, A. I. Gitovich.

REFERENCES

1. Aj Cin. Literatura Vest' o rassvete: Stih i poetry [Ai Qing. The News of the Dawn: Verses and poems]. Moscow, 1952. 76 p. (In Russian).
2. Aj Cin. Izbrannaya lirika [Ai Qing. Selected lyrics]. Moscow, 1981. 62 p. (In Russian).
3. Aj Cin. K solncu [Ai Qing. To the sun]. Shanghai, 1946. 23 p. (In Russian).
4. Aj Cin. Slovo solnca: Izbrannye stihotvoreniya: Sbornik [Ai Qing. Word of the Sun: Selected Poems: A Collection]. Moscow, 1989. 224 p. (In Russian).
5. Petrov V.V. Aj Cin: Kritiko-biograficheskij ocherk [Ai Qing: A Critical and Biographical Essay]. Moscow, 1954. 116 p. (In Russian).
6. Pyataya strazha: Kitajskaya lirika 30 - 40-h godov [The Fifth Guard: Chinese Lyrics of the 30-40s]. Moscow, 1975. 131 p. (In Russian).
7. Hrenkov D.T. Aleksandr Gitovich [Alexander Gitovich]. Leningrad, 1969. 176 p. (In Russian).
8. Cherkasskij L.E. Aj Cin – Poddannyj Solnca (Kniga o poete) [Ai Qing-A subject of the Sun (A book about the poet)]. Moscow, 1993. 209 p. (In Russian).

Received 20.08.2021

Zhang Huanyu, postgraduate student
at Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process
Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991
E-mail: zhydwgyx@outlook.com